

ных интересов. Россия дала понять всему миру, что использование американцами политики «мягкой силы» для продвижения своих интересов на ближайшей периферии России имеет свои пределы, которые будут встречать жесткое противодействие, вплоть до применения военной силы.

Как представляется, обострение отношений должно подтолкнуть Россию не только к укреплению своего военного потенциала, но и к извлечению урока в выстраивании отношений на евразийском пространстве с бывшими союзными республиками на основе более конкурентоспособной политики «мягкой силы». Тем более что нарастающие миграционные потоки в Россию свидетельствуют о том, что накопленный за период совместного проживания в едином государстве (даже с учетом накопившихся исторических обид и противоречий) потенциал российской привлекательности и притягательности для бывших союзных республик используется далеко не в полную силу.

Примечания

- 1 См.: *Най Дж. С.* Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. N.Y.: Паблик афферз, 2004.
- 2 *Русакова О. Ф.* Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 174.
- 3 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 90.
- 4 *Паршин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Аналитические доклады. Вып. 1 (36). Март. М.: МГИМО – Университет, 2013. С. 17.
- 5 См.: *Гукасов А. В.* «Жесткая» и «мягкая» сила как инструменты внешней политики США // Вест. Ин-та стратегических исследований. Вып. 1 : «Конфликты – безопасность – геополитика : стратегический анализ современного мирового развития». URL: http://www.pglu.ru/science/researches/nii-panin/vestnik/v1/Gusakov_A_V.pdf (дата обращения: 05.04.2014).
- 6 *Новоселов С. В.* «Мягкая сила» информационного общества // Каспийский регион : политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 128.
- 7 *Пономарева Е.* Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. 2012. № 3/4. С. 46.
- 8 *Князева М. И., Фадеева Н. И., Холкин И. Н.* Информационное пространство социокультурной идентичности. URL: www.isiksp.ru/library/knyazeva_mm/knyazeva-000004.html (дата обращения: 05.04.2014).
- 9 «Мы хотели как лучше». Питер ван Бурен: Как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа. URL: <http://inosmi.ru/world/20120610/193397549.html> (дата обращения: 22.04.2014).
- 10 Там же.
- 11 См.: *Соловьева Е. В.* «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 85–96.
- 12 Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/571FEF3D5281FE45C32573050023894F (дата обращения: 22.04.2014).
- 13 *Кулик С.* Содействие международному развитию и «мягкая сила» // Тенденции. Альманах Института современного развития 2012–2013. М., декабрь 2013. С. 30.
- 14 *Кулик С.* Репутация России за рубежом и частно-государственное партнерство // Там же. С. 32.

УДК 329.059470+571

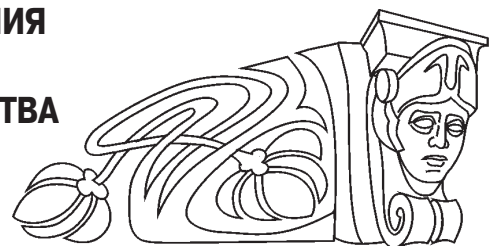
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПЛЮРАЛИЗМА ПАРТИЙНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. И. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет о важнейших теоретико-методологических основах анализа партийно-идеологического пространства современной России и обосновании необходимости их совершенствования в связи с учетом общемировых тенденций развития идеологий и их политической функциональности, а также новых внутренних обстоятельств, появившихся в результате плюрализации российской многопартийности последних лет.

Ключевые слова: теория политических партий, теория политических идеологий, методологические основы анализа, партийно-

идеологическое пространство, функциональность политических партий, функциональность политических идеологий.

Theoretical and Methodological Bases of Analysis of Party and Ideological Space's Pluralism in Modern Russia

V. I. Golovchenko

The article is about main theoretical and methodological principles of analysis of party and ideological space of contemporary Russia. It is also about necessity of these principles' improvement taking into account world tendencies of ideology development, political

functionality and new intrinsic circumstances appeared as a result of pluralization of the modern Russian multiparty system.

Key words: theory of political parties, theory of political ideologies, methodological bases of analysis, party and ideological space, functionality of political parties, functionality of political ideologies.

Существенные изменения в партийной системе последних лет и резкое увеличение количества зарегистрированных партий в очередной раз актуализировали теоретико-методологические подходы к анализу идеологических оснований российской многопартийности. Анализируя идеологический плюрализм российских партий периода 1990-х гг., большинство российских и зарубежных исследователей акцент делали на неизбежности издержек «болезни роста» многопартийности, когда переход от доминирования КПСС во всех сферах общественной жизни вызвал «вулканический выброс» активности партстроительства на самых различных идеологических основаниях.

Неизбежная борьба на одних и тех же сегментах партийно-идеологического пространства постсоветской России привела к тому, что его чрезмерная фрагментация закончилась не на основе естественных процессов объединения и укрупнения близких по идеологическим принципам и мировоззрению общественно-политических сил, а в результате целенаправленного нормативно-правового регулирования и ужесточения формальных требований для регистрации и функционирования политических партий. Созданная на такой основе укрупненная партийная система продержалась более десятилетия и, несмотря на свою внешнюю эффективность, вновь была заменена на плюральную. Означает ли это, что при анализе вновь возникшего фрагментированного партийно-идеологического пространства можно вновь руководствоваться методологическими установками начального периода российской многопартийности? Думается, что нужны новые подходы, с помощью которых станет возможным адекватно отразить и всесторонне оценить те изменения в партийной системе современной России, которые произошли за последние годы.

Попытки предложить новую методологию анализа партийно-идеологического пространства уже имели место. Например, О. Ю. Малинова отмечает недостаточность устоявшейся традиции анализа циркулирующих в обществе идей, программ, доктрин, концепций, нарративов на уровне микрополитики, т. е. того, что «находится в головах», как основания для объяснения поведения индивидов и групп¹. По ее мнению, «переменные, описывающие все, что имеет отношение к мышлению и сознанию (ideational variables), до недавнего времени сравнительно редко включались в теории, описывающие макрополитические явления и процессы – развитие институтов, трансформацию политических ре-

жимов, формирование мирового порядка, эволюцию партийных систем и т. п.»². Как представляется, это утверждение не совсем верно, особенно с учетом советского опыта нашей истории, когда большая часть сфер общественной жизни формировались и тщательно выверялись на предмет соответствия идеологии марксизма-ленинизма. Другое дело, как интерпретировались идеи и замыслы классиков и как эта интерпретация была обусловлена логикой реального развития различных сфер общественной жизни. Поэтому более адекватным можно считать утверждение о том, что при анализе причинно-следственных связей между идеями о политике и реальными ее механизмами, институтами и структурами целесообразно «отказаться от представления об однозначной детерминированности в логике линейного подчинения. Исследователю социальных механизмов приходится сталкиваться со множеством разнообразных факторов, работающих на разных уровнях и в разных темпоральных срезах, используя соответствующие когнитивные схемы»³.

Особенно важно, на наш взгляд, развести само понятие идеологии и циркулирующих в науке, публицистике, СМИ и, соответственно, в обществе в целом политических идей и представлений. Несмотря на то что они связаны друг с другом и взаимозависимы, идеология как институт имеет существенные отличия. Суть заключается в том, что «идеологию отличает экспансизм – стремление ее носителей доказать свое преимущество перед иными социальными группами и получить политические, экономические или социальные преференции. Причастность к государственной власти позволяет распространить свою идеологию, сделав ее доминантной»⁴. Однако в результате даже массивного идеологического воздействия в СССР, так как оно лежало в основе деятельности всех институтов политической социализации, итоги внедрения были неоднозначными. Обусловлено это не только тем, что массовое сознание склонно к упрощенному стереотипизированному восприятию идеологических ценностей, но и наличием многих иных факторов, воздействующих на усвоение идеологии. Самым серьезным фактором было, например, расхождение между официально декларируемыми ценностями социального равенства и наличием льгот и привилегий для партийно-государственно-хозяйственной номенклатуры. Ценность свободы нивелировалась наличием системы тотальной цензуры и повсеместного партийно-государственного контроля за всеми сферами общественной жизни.

Данное противоречие между идеологией и идеями и ценностями, реально актуализированными в массовом сознании, характерно не только для авторитарных и тоталитарных режимов, но и для демократических обществ. Типичным примером служат расхождения между офици-

альной позицией руководителей многих стран Европейского сообщества в вопросе об отношении к России по поводу событий на Украине и общественным мнением населения данных стран. Противоречие обусловлено не только предисторией данного вопроса, наличием уже сформированной за многие годы нормального сотрудничества с Россией позиции, но и логикой здравого смысла большинства граждан. Они лишены необходимости руководствоваться «вышей» логикой геополитических интересов США и их союзников на Украине, и поэтому их восприятие событий осуществляется без двойных стандартов.

Сами публичные политики всегда находятся между «Сциллой и Харибдой» в формулировании своей официальной позиции по любому вопросу. С одной стороны, они не могут свободно выйти за рамки партийной (или официально сформулированной) программы, оценки, мнения и т. д., с другой – они вынуждены ориентироваться на доминирующее общественное мнение, без учета которого их шансы остаться на лидирующих позициях в политике, очевидно, будут минимизированы. Для анализа данного политического балансирования представляется целесообразным использование методов, смежных с политологией наук, в том числе лингвокогнитивного подхода. По мнению М. В. Гавриловой, исследование структуры и содержания когнитивных моделей имеют большое значение «для эффективного речевого взаимодействия различных социально-политических сил России, поскольку позволяют выявить особенности мышления представителей государственных и негосударственных политических институтов в определенный исторический период»⁵. Использование когнитивного подхода к анализу идеологического содержания политического текста, по мнению исследовательницы, представляет собой поиск ответов на следующие вопросы: «... что собой представляют базовые знания (верования) социальной группы? Какова структура идеологий? Как идеологии контролируют другие знания (верования) членов группы? Каков механизм формирования социальных и когнитивных систем?»⁶

Действительно, лингвокогнитивный подход позволяет не только «выявить имплицитно представленные в тексте идеи, провести междисциплинарный анализ идеологий, объективировать идеологические представления в виде различных форм представления знаний (фреймы, культурные и когнитивные модели, ментальные пространства, прототипы, сети и др.), идентифицировать модели мышления, создаваемые различными идеологиями»⁷, но и в определенной степени снять имеющееся методологическое противоречие между целями идеологии и ее реальными результатами. Несколько упрощая, можно утверждать, что политик говорит кон-

кретной аудитории прежде всего то, что от него хотят услышать именно в этой аудитории и лишь затем то, что соответствует его партийной идеологии или программно закреплённой позиции.

Поэтому лингвокогнитивный подход к анализу идеологических представлений политика действительно позволяет проследить динамику ценностных ориентаций и политических взглядов политика в результате конъюнктурного воздействия сложившегося общественного мнения и текущей политической ситуации.

Л. Г. Фишман для исследования такого положения фактически предлагает отказаться от однозначно негативного понимания эклектики как синонима беспринципности и использовать данное понятие в качестве важнейшей характеристики реальной политики, в том числе и в контексте ее соотношения с мировоззренческими и идеологическими основаниями. По его мнению, «в наше время идеологическая эклектика – доминирующий вид политического мышления, и в этом своем доминировании она стала главным морально-политическим вызовом»⁸. Однако автор сам признает, что беспокойство по поводу эклектичности политических программ и идеологий есть хороший признак: «... очевидно, в нас говорит моральное чувство, которому глубоко противна мировоззренческая всеядность и которое может при определенных условиях послужить основой для развертывания новой морально-политической рациональности».

А. А. Вилков обращает внимание на то, что Конституция РФ содержит в себе определенные нравственные императивы, но «приведение в соответствие декларируемой сущности и реального использования в политической практике конституционных норм в их нравственном контексте вряд ли может быть решено простой сменой политического лидера (как это предлагает радикальная оппозиция). <...> Но предварительным и обязательным условием видится нахождение компромисса между всеми политическими силами современной России на почве осознания ключевой опасности и неизбежности катастрофических последствий продолжения нравственной стагнации российского общества»⁹. К сожалению, многовековое стремление одухотворить политику высокими нравственными принципами и идеально-типическими образами политиков и политических систем так и не нашло своего полноценного воплощения ни в одном из идеологических проектов истории и современности. Жесткая конкуренция в борьбе за власть и использование властных инструментов в борьбе за доступ к материальным и иным ресурсам заставляют политиков использовать двойные стандарты в отношении своей публичной и скрытой от широкой общественности политической деятельности.

Г. И. Мусихин в этой связи предлагает использовать понятие идеологического дискурса,

которое, по мнению автора, становится фундаментальным. Суть его состоит в том, что поддержку от населения получает тот, кто может представить свою идеологическую позицию как устремление большинства. «При этом спор в публичном пространстве ведется не столько о конкретных механизмах управления обществом (они во многом универсальны), сколько о способности предложить последнему более привлекательную политическую (точнее – идеологическую) перспективу»¹⁰. В качестве такой эффективной идеологии автор предлагает концептуальную реанимацию популизма: «Неспособность существовать в качестве самостоятельной комплексной идеологии, вынуждающая популизм пользоваться не только конкретными работками, но и концептуальной сердцевинкой других идеологий, вовсе не означает, что популизм неузнаваем как особое идеологическое течение, обладающее собственными рамочными характеристиками»¹¹.

Думается, такой подход представляет собой констатацию того факта, что на первый план в современной политике выходят имиджевые технологии, в соответствии с которыми акцент в мотивации политического поведения граждан делается не на рациональных программах, которые оформлялись бы в соответствии с определенными идеологическими ценностями и принципами, а на привлекательности имиджа лидера, партии, программы. Достижение этой привлекательности выстраивается не только за счет идеологической эклектики предвыборных обещаний, но и за счет апелляции к иррациональным мотивам поведения избирателей. Для этого используется широчайший спектр информационно-коммуникационных манипулятивных технологий.

Некоторые исследователи акцент делают на том, что ключевую роль в манипулировании идеологическими инструментами в современных условиях играют глобальные корпорации (ГК), которые все более вытесняют традиционное доминирование государств в использовании данного фактора. По их мнению, «станут более частыми и более масштабными кампании по увеличению прибылей ГК, завуалированные некими глобальными общественными интересами (охраной окружающей среды, противостоянием терроризму и т. д.). Постепенно, но значительно снизится степень защиты прав человека, особенно социально-экономических прав. Произойдет расцвет манипулятивных технологий обработки массового сознания, обеспечивающих приход к власти политиков, которые действуют, прежде всего, в интересах ГК. <...> Роль государства будет минимизирована. В ткань гражданского общества будут во все большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК»¹².

К. С. Гаджиев обращает внимание на те опасности, которые несет в себе появление в секуляризованном обществе новых утопий, мифов, идеологий, функционально выполняющих роль тех же традиционных религий и идеологий. «Создается благоприятная почва для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, с другой – универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и т. д. идей, установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности. При таком положении вещей для дезориентированных масс людей национализм, традиционализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем»¹³. С этим нельзя не согласиться. Насколько опасна такая ситуация для социально, культурно и идеологически дифференцированного общества, наглядно демонстрируют трагические события последних месяцев на Украине. Однако ключевым фактором выбора того или иного вектора идеологических общественных предпочтений, на наш взгляд, выступает позиция политической и интеллектуальной элиты, степень осознания ею своей ответственности за судьбу возглавляемого сообщества. То есть фактически данная проблема также обусловлена актуализацией нравственного императива в политике.

Е. В. Мишанова акцент делает на инструментально-методологической стороне проблемы изучения партийно-идеологического пространства современной России. По ее мнению, исследовательскую схему целесообразно основывать на трех измерениях, включающих «практически все основные позиции, существующие в современных идеологиях (за исключением некоторых маргинальных и радикальных течений), позволяя достаточно полно описывать идеологический спектр во всем его многообразии. Она строится на теоретических представлениях об идеальных идеологических типах, а потому является более универсальной, чем системы категорий, разработанные на основе анализа материала конкретных стран. И, наконец, она имеет дело с идеями, с позициями, а значит, позволяет достаточно глубоко изучать содержание идеологий, понимаемых как организованные системы представлений о социальной и политической жизни»¹⁴.

Как представляется, автор несколько переоценивает возможности контент-анализа, даже основанного на многомерном измерении партийно-идеологического пространства. Его абсолютизация приводит к тому, как было рассмотрено выше, что изучается, прежде всего, та информационная среда, которая выступает целенаправленным, а отчасти и стихийным инструментом публичного идеологического воздействия на

общество. Однако в этом случае вне поля исследователя остается латентная мотивация деятельности политиков как носителей публичной идеологии. В результате исследование идеологических текстов осуществляется по упрощенной (хотя и многомерной) схеме. Условно ее можно обозначить следующим образом: «...то, что заявлено публично и представляет собой сущность этой идеологии или основу мировоззрения политика». На наш взгляд, не менее важно отслеживать реальное воплощение в политическую и социально-экономическую практику продекларированных идеологических идей и ценностей. Сделать это намного сложнее, так как многие политические решения принимаются не столь транспарентно, и выявить позицию и степень участия представителя конкретной политической партии не так просто, но именно в этом случае возможно реальное измерение нравственного потенциала политических лидеров и партий в целом и степени их ответственности за предвыборные обещания.

В рамках политической психологии политическая идеология трактуется функционально. Она призвана решать, прежде всего, такие психологические задачи, как: «1) Внедрение в массовое сознание определенных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; 2) Формирование в массовом сознании позитивного образа предлагаемых идей, целей, задач, в частности политического развития, и, соответственно, формирование общественного мнения по этому поводу; 3) Формирование смыслообразующих мотивов, детерминирующих дальнейшую политическую активность граждан»¹⁵. С этим нельзя не согласиться, но возникает вопрос о том, как такая функциональность реализуется в условиях политической конкуренции различных идеологий, особенно с учетом того, что государственная идеология в Российской Федерации запрещена на конституционном уровне? Может ли быть сформирована личностная модель мира, если в индивидуальный процесс познания и интерпретации социально-политической реальности включаются конкурирующие идеологии? Могут ли они в таком случае способствовать объединению и концептуализации личной и общественной сферы жизни людей? Какими должны быть условия выполнения положительной и социально ответственной роли идеологии «в построении фундаментальной психологической триады СОЗНАНИЕ–ВОСПРИЯТИЕ–ПОВЕДЕНИЕ»?¹⁶ Как представляется, речь о положительной функциональности политических идеологий можно вести в том случае, если их носители достигли определенного ценностного консенсуса, прежде всего по ключевым ценностям и принципам, обеспечивающим преемственность и социальную ответственность носителей различных идеологий.

Подводя итог, можно констатировать, что существующие теоретико-методологические

основы анализа партийно-идеологического пространства в современной России нуждаются в дальнейшем развитии с учетом целого ряда новых внешних и внутренних обстоятельств. Противоречивые процессы глобализации привели к тому, что, с одной стороны, традиционные идеологии западных стран подверглись определенной эрозии в результате попыток формирования некой наднациональной универсальной метаидеологии, а с другой, в результате проявления серьезных кризисных явлений не только в мировой экономике, но и в социокультурной сфере. Данные общемировые тенденции нуждаются в глубоко осмыслении и оценке с учетом того, что Россия включена в мировые процессы большим количеством разнообразных связей и отношений и не может не учитывать их воздействия.

Кроме того, радикальное изменение формата российской многопартийности также обуславливает поиск ответов на многие вопросы, отражающие ее идеологические характеристики. Насколько соотносится традиционно понимаемая функциональность партий и идеологий с их инструментальным функционированием? Можно ли говорить о наличии некоего универсального набора политических функций, характерного для любой идеологии, или же имеет смысл анализировать функциональность каждого конкретного ее носителя? Есть ли пределы и ограничения в манипуляционном использовании максимально политизированного партийно-идеологического пространства в современной России? От ответов на данные вопросы зависит не только судьба большинства зарегистрированных российских политических партий, но и судьба демократии в России как системы представительства и защиты разнообразных интересов российских граждан.

Примечания

- ¹ См.: Малинова О. Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях : в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 91.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 96.
- ⁴ Баранец Н., Веревкин А., Ершова О. Об идеологии и идеологизации науки // Власть. 2011. № 6. С. 127.
- ⁵ Гаврилова М. В. Экспликация идеологических представлений политика: лингвокогнитивный подход // Полис. 2010. № 3. С. 89.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 88.
- ⁸ Фишман Л. Г. Слишком много эклектики // Полития. 2010. № 2(57). С. 154.
- ⁹ Вилков А. А. Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 70.
- ¹⁰ Мусихин Г. И. Идеология и власть // Полития. 2010. № 304 (58–59). С. 38.

- ¹¹ Мусихин Г. И. Популизм : структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // Полития. 2009. № 4(55). С. 52.
- ¹² Комлева Н., Саймонс Г., Стровский Д. Идеологическая мощь геополитического актора : сущность, структура, российская практика // Власть. 2011. № 12. С. 125.
- ¹³ Гаджиев К. Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 8.
- ¹⁴ Мишанова Е. В. Проблема операционализации идеологического поля в контент-аналитических исследованиях // Полис. 2010. № 3. С. 78.
- ¹⁵ Аль-Дайни М. А. Манипулятивный характер идеологий в современной России: политико-психологический анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. С. 12.
- ¹⁶ Там же.

УДК 94(47)

РОССИЯ И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: mitrokhinva@yandex.ru

В статье исследуется эмигрантский опыт осмысления европейской политической культуры, ее влияния на российскую историю. Анализируется эволюция воззрений выходцев из России под воздействием политических процессов 20–30-х гг. XX в. Обоснована значимость политической практики в контексте сегодняшних европейских и мировых событий.

Ключевые слова: эмиграция, Запад, Россия, политика, демократия, либерализм, фашизм.

Russia and West: Interaction Problems in Perception of the Russian Emigration of the First Wave

V. A. Mitrokhin

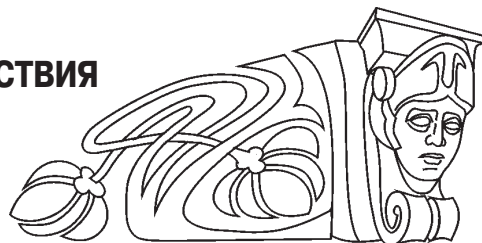
In article emigrant experience of European political culture judgment, its influence on the Russian history is investigated. Evolution of Russia natives views as a result of political processes of the 20–30th years of the XX century is analyzed. The importance of political practice in a context of today's European and world events is proved.

Key words: emigration, West, Russia, policy, democracy, liberalism, fascism.

Первые годы пребывания в эмиграции качественным образом повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Рассеянные по разным, преимущественно европейским, странам россияне не только решали насущные экономические и бытовые проблемы, связанные с адаптацией в новых условиях, но и обретали уникальный политический опыт, который рассчитывали применить в посткоммунистической России.

По мнению некоторых представителей диаспоры, само существование русского зарубежья в конечном итоге стало своеобразной «лабораторией», «крахом максимализмов» и начертанием будущего Отечества¹.

Не последнюю роль в формировании общественной позиции эмигрантов играла жесто-

чаянная идейная борьба, развернувшаяся в межвоенной Европе, и напрямую связанная с ней политическая практика. Повышенный интерес в русской среде вызвала западная демократическая система, функционирование ее институтов. Подробно исследовался вопрос взаимодействия русского и западного общественных укладов.

В главных своих чертах развернувшаяся дискуссия стала продолжением спора, начатого в девятнадцатом столетии западниками и славянофилами, о путях развития российской государственности. Как и прежде, линией водораздела являлось отношение к ценностям западного мира.

Значительное число выходцев из России было убеждено, что именно безоглядное подражание Западу, механический перенос европейских политических институтов и атрибутики на русскую национальную почву и стали первопричиной противоречий, породивших революцию. Именно здесь сокрыто «самое главное зло», «порок сердца, привитый России Петром». Данная точка зрения утвердилась в качестве краеугольного элемента исторической концепции евразийцев. В одном из первых сборников «На путях. Утверждение евразийцев» ее аргументированно представил Г. Флоровский. Автор считал, что завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа. Разделение просвещенного слоя и народа как двух культурно-бытовых, внутренне замкнутых и взаимно-ограниченных сфер «есть основной парадокс русской жизни, порожденный именно петровской реформой»². В этой связи события 1917 г. в России виделись автору как революция, русская по происхождению, смыслу и объективному содержанию. Свершившийся «суд истории» явил собой естественное завершение бездушного, глубинно не национального петербургского этапа русской истории.

Принципиальным противником подобного подхода являлся П. Н. Милюков. Поддержка